

УДК 821.161.1+82.0

DOI: 10.17223/19986645/41/10

А.Е. Козлов

ФОРМЫ И ОБРАЗЫ ВРЕМЕНИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.Д. ХВОЩИНСКОЙ И В.А. СЛЕПЦОВА

В статье на материале романов Н.Д. Хвощинской «Свободное время» и В.А. Слепцова «Трудное время» изучаются семантические свойства провинциального времени в беллетристическом произведении. Несмотря на разные эстетические установки писателей, тексты Хвощинской и Слепцова характеризуются общностью, заключающейся в сходных способах репрезентации повседневности. Провинциальное время, зачастую «заслоняя» моноцентрического героя, предстает в произведениях овеществленным, буквально погруженным в материю, быт. Кроме того, время в анализируемых произведениях становится имплицитным выражением авторского самосознания. Для женщины, писавшей под мужским псевдонимом, и разночинца, вышедшего из дворянской среды, провинциальный мир становится способом авторефлексии.

Ключевые слова: русская литература XIX в., провинциальный роман, провинциальное время, В.А. Слепцов, Н.Д. Хвощинская.

Вопрос о статусе провинциального времени в русской и мировой литературе, несмотря на наличие фундаментальных литературоведческих разработок в этом направлении, нельзя считать полностью решенным.

Обобщенный образ провинции, создаваемый долгое время совокупными усилиями критики и беллетристики, часто выходит за пределы эстетического видения, распространяясь на эмпирическую действительность, что определяет особый взгляд исследователей на этот предмет. Сторонник локального метода Н.П. Анциферов, характеризуя авторские варианты реализации провинциального топоса, признавал «сознательную обобщенность образа» [1. С. 249] провинциального города в художественной литературе XIX в., что означало фактическую невозможность его пространственно-временной локализации. Анализируя провинциальное время в заключение своей работы «Формы времени и хронотопа в романе», М.М. Бахтин писал: «Это густое, липкое, ползущее в пространстве время. Поэтому оно не может быть основным временем романа. Оно используется романистами как побочное время, переплетается с другими, не циклическими временными рядами или перебивается ими» [2. С. 325]. Характерный для последних десятилетий интерес к провинциальной культуре и феноменологии провинциального самосознания существенным образом расширил исходные представления. Своеобразным итогом этого конструктивного диалога можно считать книгу «Текст пространства: материалы к словарю» [8], подготовленную Е.Г. Милюгиной и М.В. Строгановым. Однако категория времени заменена здесь смежным понятием *ритм /аритмичность* пространства.

На наш взгляд, фигура умолчания, традиционно сопровождающая *провинциальное время*, объясняется его второстепенностью (*побочностью*, по словам М.М. Бахтина). Однако обращение к языку русской культуры, специ-

фика которой зачастую определяется декларативной эксплицитной вторичностью, может скорректировать данное представление.

Как известно, генезис *провинциальной темы* в русской культуре связан с развитием комедиографии и беллетристики второй половины XVIII в., «узловым моментом» в её эволюции становится выход в свет поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души» [7]. Здесь в одном фокусе оказались собраны разрозненные мотивы и исторически отстоящие друг от друга сюжетно-мотивные комплексы, «спаянность» которых в дальнейшем историко-литературном развитии практически оставалась неизменной на протяжении второй половины XIX в.

В то же время именно в 40-е гг., вследствие чтения «Мёртвых душ» как эпического произведения и из-за экстенсивного развития русской повести, о себе заявляет форма «провинциального романа» (Ф. Корф, В.А. Вонлярлярский, П.Н. Кудрявцев, Д.В. Григорович, Н. Данковский, А.Ф. Писемский)¹. Сходство сюжетных ситуаций, однородность событий (без катастроф и откровений), преобладание происшествий над событиями (нулевая событийность), актуализация события не-события [4] демонстрируют общность на уровне сюжетно-событийной и модальной организации текстов, относимых нами к форме провинциального романа. Следует подчеркнуть, что зачастую к провинциальному роману обращались фигуры второго или третьего литературного ряда, таким образом, провинциальный хронотоп был как бы созвучен осознаваемому месту в литературном процессе.

Таким образом, можно сделать предположение о связанности формы провинциального времени со специфической жанровой формой провинциального романа. При этом важно отметить, что самое чувство *провинции* и *провинциального*, вне зависимости от декларируемых эстетических установок, было неизменным. Естественно, вышесказанное требует верификации, построенной на сопоставительном анализе рядов подобных произведений.

Настоящая статья представляет попытку осмысления формы провинциального романа через сопоставление двух текстов: романа Н.Д. Хвоцинской «Свободное время» (входит в цикл «Провинция в старые годы») и романа-повести В.А. Слепцова «Трудное время». Два романа, где в сильной позиции обретается слово *время*, принадлежа хронологически к одной и той же эпохе, на первый взгляд воплощают диаметрально разные принципы эстетики и отношения к эмпирической действительности. Повести Хвоцинской, изначально опубликованные в «Отечественных записках» и впоследствии вышедшие отдельным изданием (типография А. Суворина), представляют несомненный интерес в контексте изучения ретростиля в русской литературе 60-х гг. [13].

¹ Некоторые из произведений, относимых нами к форме *провинциального романа*: «Как люди богатеют» (1847); А.Д. Галахов «Превращение» (1847); П.Н. Кудрявцев «Без рассвета» (1847); А.И. Герцен «Кто виноват?» (1848); В.А. Вонлярлярский «Большая барыня» (1852); Д.В. Григорович «Просёлочные дороги» (1852); И. Панаев «Львы в провинции» (1852); Н. «Провинциальная гризетка» (1855); Н. Данковский «Портретная галерея» (1856); А.Ф. Писемский «Тысяча душ» (1858); Ю.В. Жадовская «В стороне от большого света» (1857); В.И. Аскоченский «Асмодей нашего времени» (1858); М.В. Авдеев «Подводный камень» (1861); М.П. Стопановский «Обличители» (1863); Н.Д. Хвоцинская «Из связи писем, брошенных в огонь» (1863); Е. Сальянова «Евгения» (1863); А.Ф. Писемский «Взбаламученное море» (1863); Р. Гаганидзе «Летопись маленького городка» (1863); П.Д. Боборыкин «В путь-дорогу» (1864); Н.Ф. Бажин «Степан Рулев» (1864); Н.С. Лесков «Некуда» (1864, первая часть «В провинции»); Н.Д. Ахшарумов «Мудреное дело» (1864), Н.Д. Хвоцинская «Провинция в старые годы» (1866).

«Трудное время», публикацией которого практически завершилась революционно-демократическая история некрасовского «Современника», манифестирует отношение автора к социальной (в позитивистском смысле этого слова) действительности, следование натуралистическому канону, связанному с разночинским типом поведения.

Произведения Хвошинской являются элементами «тиражной продукции», характерной для беллетристического отдела «Отечественных записок» под редакцией А. Краевского (к этому ряду можно отнести Е. Тур, М.В. Авдеева, Е.Л. Маркова, Е. Сальянову и пр.). Литературу этого рода (говоря, кстати, о Н.Д. Хвошинской) А.М. Скабичевский описывал так: «На всех произведениях этого периода отражается замкнутая провинциальная жизнь. В них изображаются исключительно нравы провинциального бомонда, действие не выходит из семейной сферы» [15. С. 208].

Особенность сюжетов Хвошинской – сосредоточенность на бессобытийной повседневности, хода которой не нарушают отдельные происшествия. Несмотря на то, что сюжет каждой повести строится на светской интриге или губернском скандале, Хвошинская не стремится к внешним эффектам (как, например, Д.В. Григорович, М.М. Стопановский или Н. Данковский).

Описание скуки как всedневногo опыта показывает одно из направлений художественной рефлексии Хвошинской. В этом отношении показателен диалог, возникающий между героями: «– Ты сказал, что я добра и мила; как ты думаешь, ежеминутная скука может ли испортить характер? – Ведь эта скука, душа моя, одна у всех» [5. С. 39].

Это чувство, которое многократно было воспроизведено и до Хвошинской, становится в повестях писательницы доминантным, часто предполагая тождество жизни в *провинции, пустыне, тущо́бе* и жизни как таковой. Хвошинская нередко описывает странные нравы обитателей города N: «Клавдия Яковлевна почти привыкла носить птиц на своих платьях; но на одном из них были изображены собачки, что доставляло несказанное удовольствие дяде, который встречал ее всегда каким-нибудь охотничьим восклицанием и давал названия этим собачкам, не стесняясь даже при гостях» [6. С. 24–25]; «<...> был здесь один Опаров – Квакушкиным прозвали – из дома в дом скитался, где неделю, где месяц проживет; на охоту его возят, сказки заставляют по ночам рассказывать, плясать; нарядят, бывало, в шубу навыворот...» [6. С. 40].

Отношение к человеку как к животному не находит глубинной мотивировки. Многое, совершаемое в провинции *от нечего делать*, является закономерным следствием действия пустого, ничем не заполненного свободного времени, которое складывается из механических, часто неотрефлексированных поступков обывателя. Общее нарушение нормы, атипичность поведения, связанная со смещением оси нулевого (нормального) значения, заставляет воспринимать образы как элемент действительности, наделять бездушные предметы свойствами живого, разумного. Это тихое сумасшествие – *мелочные бури, волновавшие мелочную жизнь*, – совершенно иной природы, чем петербургское безумие, становится нормой места и определяет последовательность всех жизненных событий, а следовательно, и образы времени.

Противоположную сторону провинциального быта определяют театральные метафоры. Они настолько часто используются Хвоцинской, что утрачивают сколько-нибудь оригинальную семантику и обращаются в штамп: «Всё это были, конечно, глупые *комедии* на сцене кухни и девичьей; но, к сожалению, у многих так проходит жизнь, и, глядя на нее, невольно спрашиваешь: для того ли она начиналась... Был ум – он оступел; было чувство – оно измелечало; было желание образоваться – его сочли за прихоть, и оно заглохло среди вечного недосуга. Пришла старость со своим забвением и привычкой; обновиться было уже поздно, невозможно» [6. С. 26]; «Из жизни, которая могла бы идти так стройно, разумно и прекрасно, из жизни, назначенной для любви, довольства и разумной деятельности, составляется какое-то странное представление. Улыбаясь и плача, его можно назвать только *комедией*, другого названия оно не заслуживает. Эти *комедии* тянутся долго и однообразно, как всё, совершающееся понемногу» [5. С. 9–10].

Таким образом, категория времени в повестях Хвоцинской оказывается неразрывно связанной с бытом и повседневностью. Театрализация быта, как своего рода *ложная карнавальность*, представляет попытку оправдания бессмысленности жизни. Такая стратегия особенно закономерна для женщины, всю жизнь писавшей под мужским псевдонимом.

Большинство произведений В.А. Слепцова – его сценки, рассказы-миниатюры и тяготеющая к роману повесть «Трудное время» – представляют собой своеобразный даггеротип, срез эпохи, характерный для разночинской литературы 60-х гг. (Н.Г. Помяловский, Ф.М. Решетников, А.И. Левитов, Г.И. Успенский, Н.Ф. Бажин и пр.). В отличие от большинства разночинцев Слепцов был выходцем из дворянской семьи; однако разночинский тип поведения, определяющий художественную эстетику письма, оказывается в его жизни доминантным¹. На это противоречие указывает в своих мемуарах А.М. Скабичевский: «Судя даже по тому, как он писал своим *бисерным почерком*, *вытачивал* свои произведения словно *мелкие ажурные вещички* из слоновой кости, – это был по натуре эстетик. Положительно можно сказать, что он сделался беллетристом-народником по какому-то недоразумению или злой иронии судьбы, так как настоящее призвание его было или живопись, или скульптура, и он, если можно так выразиться, со всеми фибрами своего существа был создан, чтобы лепить или писать *красивые женские головки*» [16. С. 24]².

Обнаруживая себя наблюдательным повествователем в очерках «Владимирка и Клязьма» и «Письмах об Осташкове», Слепцов отказывается от единого, выстроенного линейного сюжета в своих миниатюрах и рассказах, буквально «рассредоточивая» энергию сюжета в отдельных мотивах. При чтении его произведений возникает характерный эффект «антиэстетического» повествования, разрушающего нормативные представления о прекрасном как гармоническом.

В романе-повести «Трудное время» Слепцов воспроизводит ряд литературных клише. Весь сюжет произведения – измененный, «модифицирован-

¹ О разночинском типе поведения в литературе и жизни см.: [11, 10, 18].

² Здесь и далее курсив наш. – А.К.

ный» сюжет о новых людях, местом осуществления которого становится не Петербург, а безымянная провинциальная усадьба. Смена топоса в данном случае значительным образом изменяет семантику сюжета; это же можно сказать и о главном герое Рязанове, восходящем, по определению Писарева, к *возлюбленному* (разночинским поколением. – А.К.) *базаровскому типу*. Однако от Базарова Рязанов наследует характерологические свойства лишнего человека, что определяет и «положение дел», и ощущение времени.

Если в повестях Н.Д. Хвощинской грязь является метафорой, описывающей взаимоотношения людей, в «Трудном времени» грязь становится составляющей пространства наряду с пьянством и невежеством, заполняя окружающий героев мир: «Место, по которому они шли, было *глухое*, несмотря на то, что находилось вблизи большого села: какой-то косогор, внизу лужа с навозными берегами, навозный мосток. В луже, подобрав портчонки, бродили ребята; по берегу торчали *кривые оципаные* ветлы; сквозь их *жидкие* листья белели крошечные, сбитые в кучу, *кое-как лепившиеся* по косогору мазанки одиноких солдаток, с огородами, в которых тоже кое-где стояли *обломанные и загаженные* птицами деревья; с *разоренных* плетней шумно кинулись воробьи. Дальше в одну сторону пошел овраг, заросший *чахлым* кустарником; в овраге валялась ободранная собаками дохлая лошадь. В другую сторону – крестьянские гумна и село» [17. С. 320]. Следует отметить сознательную установку автора на изображение ущербного мира; ряды прилагательных, объединенных общим значением *плохого, слабого, ненужного*, подчеркивают общую власть трудного времени.

В тексте В.А. Слепцова соотношение звериного и человеческого начал достигает своего предела, люди буквально уподоблены здесь животным, действия которых являются не осмысленными во времени и пространстве. Многие описания в повести предельно физиологичны, пространство телесно. Взгляд повествователя выхватывает отдельные детали провинциальной повседневности: «На дворе видно было, как один помещик стоял, упершись в стену лбом, и мучительно расплачивался за обед» [17. С. 262]; «Вшей-то что будет! А? Нет, теперь все еще ничего, а поглядели бы вы прежде, как только женился, – вот гуманничали-то! По три дня без обеда сидели от этого от гуманства. Людишки эти до такой степени испьянствовались... Нагнется вот эдак сапоги взять, да тут же и... И сблюет. Вонь по всему дому» [17. С. 269].

Физиологизм в данном случае усиливает ощущение подлинности происходящего и подчеркивает установку на беспристрастное точное изображение «ветхого» мира, ожидающего обновления. Следует отметить, что в повести В.А. Слепцова, несмотря на «эзопов язык», нет ни одного намека на радикальное изменение (тем более преобразование) действительности: таким образом, провинциальное пространство становится абсолютным, статичным настоящим, *до* и *после* которого существует пустота, феноменологическая условность¹.

¹ Подобно тургеневским мечтателям, Рязанов в конце повести восклицает: «Остается *выдумать, создать* новую жизнь» [17. С. 336]. Кроме такого утопического проекта преобразования действительности, ничто более не указывает на попытки её изменения. По сути, провинциальная действительность повергает здесь утопию Н.Г. Чернышевского, и такой опыт дает неожиданные результаты (О значимости фигуры Н.Г. Чернышевского в романе В.А. Слепцова см.: [3.. С. 20]).

На упреки и возражения Щетининой, восклицающей, что она не может больше *солить огурцы*¹ и быть *ключницей* в доме, где *всё опротивело, играть роль в глупой комедии*, Рязанов дает развернутый ответ: «Однако вот эта жизнь уж перестала вам нравиться. А почему? Вы поняли ее нелепость и уж не можете жить этою жизнью. Стало быть, чем больше вы будете узнавать жизнь вообще, тем больше и больше будете лишаться возможности жить, как люди живут» [17. С. 336]. Заметим, что этот ответ также не содержит сколько-нибудь конструктивной программы преобразования.

Мир Слепцова, представляя хаос рассогласованной материи, по ряду параметров противопоставлен упорядоченному, но ограниченному в себе миру провинции Хвоцинской. Соотнесение двух этих произведений с точки зрения породившей их эстетики остается дискуссионным. Однако определение категории времени позволяет найти внутренние связи, реализуемые не через изобразительную традицию, а через форму (времени и жанра) как самодовлеющий элемент художественного текста. В рассматриваемых нами произведениях время становится не только способом рефлексии повседневности, но и имплицитным выражением авторского самосознания. Этим можно объяснить возникающий «спрос» на провинциальный роман среди беллетристов и читателей.

Вместе с тем повторяемость событий в составе провинциального времени позволяет сосредоточить внимание на времени личности, что обнажает онтологическую трагедию соотношений человека и мира, времени и бытия: «...могут возразить, что эти комедии не заслуживают ни разбора, ни длинных вступлений. С этим можно было бы согласиться, если б эти комедии не были жизнью человеческой, в которой всё важно, начиная от безделиц» [5. С. 198]; «...вас я разлюбила за то, что Вы (сознательно или бессознательно, – все равно) заставили меня играть глупую роль в вашей глупой комедии» [17. С. 340]. Называя происходящее *комедией*, авторы подчеркивают условность не только провинциальной жизни, но и бытия как такового².

Контрастные по своей сущности тексты демонстрируют значимость временной категории для писателей и ее общее понимание. Существенную часть провинциального времени составляют повторяемые события быта (или события повседневности), которые не могут сформировать сюжет (построенный на «событии не-события»). Повторение этих событий настолько частотно, что в ряде художественных текстов, описывающих провинцию, количество закономерностей является прогнозируемым и исчисляемым, что позволяет говорить об особом типе сюжета – провинциальном.

Освоенность этой модели времени демонстрирует ее значимость в русской литературе XIX в., открывая возможность для дальнейшего изучения

¹ Ср.: «...тетка Карандышева, барыни в крашенных шелковых платьях; разговор будет о соленых грибах» [9. С. 402]. Комплекс этих мотивов, по-видимому, восходит к главе 2 «Евгения Онегина» А.С. Пушкина.

² У. Брумфилд в своем исследовании назвал повесть В.А. Слепцова «человеческой комедией». Заметим, что объединяющее Слепцова и Хвоцинскую стремление создать «человеческую комедию» соответствует повествовательной стратегии «писать, как Бальзак». Кроме того, единый вектор такого повествования определяется эпилогом романа «Отцы и дети»: «Каждый прислуживал другому с забавною предупредительностью, точно все согласились разыграть какую-то простодушную комедию» [19. С. 185].

формы провинциального романа в контексте его семантической и структурной редукции.

В частности, этот неуловимый ток провинциального времени очень тонко чувствовал А.П. Чехов¹, многие рассказы которого, являя формальную противоположность провинциальному роману, представляют собой изображение тех же действий и тех же декораций на новом уровне постижения времени, литературы и жизни.

Литература

1. Анциферов Н.П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе: Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций. М.: ИМЛИ, 2009. 581 с.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
3. Брумфилд У. Социальный проект в русской литературе XIX века. М.: Три квадрата, 2009. 272 с.
4. Козлов А.Е. К вопросу о модусах и повествовательной модальности провинциального сюжета русской литературы // Сиб. филол. журн. 2014. № 3. С. 110–116.
5. Крестовский В. [Хвошинская Н.Д.]. Последнее действие комедии // Крестовский В. Провинция в старые годы. Т. 3. СПб., 1884. 309 с.
6. Крестовский В. [Хвошинская Н.Д.]. Свободное время // Крестовский В. Провинция в старые годы. СПб., 1884. Т. 1. 249 с.
7. Кривонос В.Ш. Гоголь: миф провинциального города // Провинция как реальность и объект осмысления. Тверь, 2001. С. 101–110.
8. Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Текст пространства: материалы к словарю. Тверь: СФК-офис, 2014. 368 с.
9. Островский А.Н. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1987. 527 с.
10. Печерская Т.И. Предмет как сюжетный маркер: сапоги в русской литературе 1840–1870-х годов // Сиб. филол. журн. 2014. № 3. С. 86–93.
11. Печерская Т.И. Разночинцы шестидесятых годов XIX в.: Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики. Новосибирск: Nonpareil, 1999. 300 с.
12. Писарев Д.И. Литературная критика: в 3 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 3. 360 с.
13. Пращерук Н.В. О пределах, избыточных формах письма и модусе невозможного: «Исповедь мужа» К. Леонтьева и «Вечный муж» Ф. Достоевского // Кормановские чтения. Ижевск, 2006. Вып. 6. С. 142–152.
14. Салтыков-Щедрин М.Е. Губернские очерки // Собр. соч.: в 20 т. М., 1965. Т. 2. С. 7–462.
15. Скабичевский А.М. История новейшей русской литературы. СПб., 1909. 542 с.
16. Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. М.; Л.: Лит. фабрика, 1928. 360 с.
17. Слепцов В.А. Трудное время // Русские повести XIX века: в 2 т. М., 1956. Т. 1. С. 211–349.
18. Старыгина Н.Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2003. 352 с.
19. Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Наука, 1971. Т. 7. 527 с.
20. Чуковский К. Тайнопись «Трудного времени» // Люди и книги шестидесятых годов. Л., 1934. 310 с.

¹ Соотнесение прозы В.А. Слепцова с творчеством А.П. Чехова было осуществлено У. Брумфилдом. Западный литературовед обратился к поздним чеховским рассказам («Невеста», «Три года», «Моя жизнь») [3].

FORMS AND TYPES OF THE “PROVINCIAL CHRONOTOPE” IN THE RUSSIAN NOVELS OF THE 19TH CENTURY (V. SLEPTSOV AND N. KHVOSHCHINSKAYA)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2016. 3 (41). 106–114. DOI: 10.17223/19986645/41/10

Kozlov Alexey E., Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: alexey-kozlov@rambler.ru

Keywords: Russian literature of the 19th century, provincial novel, provincial time, V.A. Sleptsov, N.D. Khvoshchinskaya.

The paper deals with the conceptions “provincial chronotope” and “provincial time” in the context of the Russian prose of the 19th century (novels *Svobodnoe vremya* [Free time], *Kto zh ostalsya доволен* [Who is glad], *Poslednee deystvie komedii* [Last act of the comedy] by Nadezhda Dmitrievna Khvoshchinskaya (Zayonchkovskaya), and *Trudnoe vremya* [Hard time] by Vasily Alekseevich Sleptsov). The definition “provincial time” is compared with the definition “provincial chronotope” in the context of Mikhail Bakhtin’s theory. As M. Bakhtin writes, “Time here is devoid of moving forward <...> Day is never a day, year is not a year, life is not life <...> It is ordinary, everyday domestic cyclical time. Time is uneventful and seems like it almost stopped <...> It is a thick, sticky time crawling in space.” The quote shows the provincial chronotope is a narrative. In fact, it represents a quasi-event as part of the indiscrete eternity. But the main part of the phrase is connected with the ontological character of the provincial time. The interpretation of the provincial chronotope as “ordinary, everyday domestic cyclical time” presents another phenomenon important for Russian culture. It can be called “everydayness”. In the paper, the provincial time is studied as a narrative, phenomenological and plot-forming category.

Despite the fact that Nadezhda Khvoshchinskaya and Vasily Sleptsov belong to different social, politic and worldview poles and types of literature, the sense of time, its phenomenology can be recognized as an integral feature. Their texts are characterized by common narration strategies that consist in the representation of everyday life, the implementation of the so-called “provincial plot” (close to Balzac’s *The Human Comedy*).

The esthetic worldview of Vasily Sleptsov is a chaos of material events; the art world of Khvoshchinskaya is the order of different elements. So, comparison of these texts from the esthetic point of view is not quite adequate. However, the definition of the category of time allows to find inner connections realized in the form as a self-contained element of a literary text rather than through the narration tradition. In the works under study, time is definitely spatial, and some time slots, representing a continuous existence, are virtually inseparable in the topology of the text.

The provincial chronotope, devoid of limits and abysses, presents reality as a sequence of senseless events and episodes where the human and humanity lose significance. The author believes it is in this context that we should understand Bakhtin’s statement about the provincial chronotope as “ordinary, everyday domestic cyclical time”. The development of this model of time demonstrates its importance in the Russian literature of the 19th century. In particular, Anton Pavlovich Chekhov felt this elusive flow of time very subtly, many of his stories represent the image of the same actions and the same decorations on a new level of understanding of time, literature and life.

In this case, the description of the provincial time should be taken into account as its essence is embodied, is fixed in the material substance. Results and observations of the research could be extended to other texts on “provincial” plots and could also be used in teaching the history of Russian literature of the 19th century.

References

1. Antsiferov, N.P. (2009) *Problemy urbanizma v russkoy khudozhestvennoy literature. Opyt postroeniya obraza goroda – Peterburga Dostoevskogo – na osnove analiza literaturnykh traditsiy* [Urbanism problems in Russian literature. Experience in building the image of the city – St. Petersburg of Dostoevsky – based on the analysis of literary traditions]. Moscow: IMLI.
2. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics. Studies over the years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
3. Broomfield, W. (2009) *Sotsial’nyy proekt v russkoy literature XIX veka* [Social projects in the Russian literature of the 19th century]. Moscow: Tri kvadrata.
4. Kozlov, A.E. (2014) *K voprosu o modusakh i povestvovatel’noy modal’nosti provintsial’nogo syuzheta russkoy literatury* [On the question of moduses and narrative modality of the provincial plot

in Russian literature]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 110–116.

5. Krestovskiy, V. [Khvoshchinskaya, N.D.] (1884) Poslednee deystvie komedii [Last act of the comedy]. In: Krestovskiy, V. *Provintsiya v starye gody* [Province in the old days]. Vol. 3. St. Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina.

6. Krestovskiy, V. [Khvoshchinskaya, N.D.] (1884) Svobodnoe vremya [Free time]. In: Krestovskiy, V. *Provintsiya v starye gody* [Province in the old days]. Vol. 1. St. Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina.

7. Krivonos, V.Sh. (2001) [Gogol: the myth of the provincial city]. In: *Provintsiya kak real'nost' i ob'ekt osmysleniya* [The province as a reality and the object of understanding]. Proceedings of the conference. Tver: Tver State University. pp. 101–110. (In Russian).

8. Milyugina, E.G. & Stroganov, M.V. (2014) *Tekst prostranstva: materialy k slovaryu* [Text of space: materials for a dictionary]. Tver: SFK-ofis.

9. Ostrovsky, A.N. (1987) *Sobr. soch.: V 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

10. Pecherskaya, T.I. (2014) Predmet kak syuzhetnyy marker: sapogi v russkoy literature 1840–1870-kh godov [Object as the plot marker: boots in Russian literature of the 1840s–1870s]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 86–93.

11. Pecherskaya, T.I. (1999) *Raznochintsy shestidesyatykh godov XIX veka. Fenomen samosoznaniya v aspekte filologicheskoy germenevtiki* [Intellectuals of the 1860s. The phenomenon of self-awareness in the aspect of philological hermeneutics]. Novosibirsk: Nonparel'.

12. Pisarev, D.I. (1981) *Literaturnaya kritika: V 3 t.* [Literary criticism: in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

13. Prashcheruk, N.V. (2006) O predelakh, izbytochnykh formakh pis'ma i moduse nevozmozhnogo: "Ispoved' muzha" K. Leont'eva i "Vechnyy muzh" F. Dostoevskogo [The limits of excessive forms of writing, and the modus of impossible: Confessions of a Husband by K. Leontyev and The Eternal Husband by F. Dostoevsky]. In: *Kormanovskie chteniya* [Kormanovskiy Readings]. Is. 6. Izhevsk. pp. 142–152.

14. Saltykov-Shchedrin, M.E. (1965) Gubernskie ocherki [Provincial Sketches]. In: Saltykov-Shchedrin, M.E. *Sobr. soch.: V 20 t.* [Works: in 20 vols]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

15. Skabichevskiy, A.M. (1909) *Istoriya noveyshey russkoy literatury* [The history of modern Russian literature]. St. Petersburg.

16. Skabichevskiy, A.M. (1928) *Literaturnye vospominaniya* [Literary memories]. Moscow; Leningrad: Literaturnaya fabrika.

17. Sleptsov, V.A. (1956) Trudnoe vremya [Hard Time]. In: *Russkie povesti XIX veka: V 2 t.* [Russian stories of the 19th century: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.

18. Sarygina, N.N. (2003) *Russkiy roman v situatsii filosofsko-religioznoy polemiki 1860–1870-kh godov* [Russian novel in the situation of philosophical and religious debate of the 1860s–1870s]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

19. Turgenev, I.S. (1971) *Sobr. soch.: V 30 t.* [Works: in 30 vols]. Vol. 7. Moscow: Nauka.

20. Chukovskiy, K. (1934) Taynopis' "Trudnogo vremeni" [Cryptography of Hard Time]. In: Chukovskiy, K. *Lyudi i knigi shestidesyatykh godov* [People and books of the sixties]. Leningrad: Izdatel'stvo pisateley.